

18+

ТЕНЬ И ПРИЛИВ

РЕЙЧЕЛ ГРИНЛОУ

Рейчел Гринлоу

Тень и прилив

Серия «Компас и клинок», книга 2

Серия «Хиты зарубежной
эпической фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74029362

Рейчел Гринлоу «Тень и прилив»: ООО «Издательство АСТ»; Москва;
2026

ISBN 978-5-17-168072-5

Аннотация

Сделки, заключенные в отчаянии, имеют высокую цену.

Мира пребывает в унынии на Роузвире, ожидая момента, когда сможет воссоединиться с Элайджей, отомстить за отца и положить конец коварным планам Сета и Реншоу. Но прежде чем она успеет действовать, наступает час расплаты, оставляющий за собой разрушения.

С командой верных друзей Мира разрабатывает план, чтобы ограничить влияние Реншоу, используя карту своей матери. Хотя Элайджа обеспокоен распространением слухов о способностях Миры, она полна решимости остановить тех, кто угрожает ее острову. Однако, узнавая больше о планах Реншоу – о ее контроле

над стражей и других союзниках на высоких постах – Мира осознает, что опасность окружает ее со всех сторон.

Возможно, Мира оказалась в ситуации, с которой ей трудно справиться, но пережив столько предательств, сможет ли она довериться Элайдже и его команде, чтобы спасти себя, свою родину и тех, кого она любит больше всего?

Содержание

Похвалы «Компасу и клинку»	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Рейчел Гринлоу

Тень и прилив

Рози и Иззи, всегда

Похвалы «Компасу и клинку»

«Я просто летела сквозь страницы... Читателей непременно пленит Мира и ее путешествие в поисках отца и себя самой. Я знаю, потому что меня они пленили».

Александра Кристо, автор книги «Убить Королевство»

«Наполненная дикой магией, лихими приключениями и сказочной романтикой, книга „Компас и клинок“ – сокровище, которое стоит ценить».

Кэтрин Дойл, соавтор «Двух корон»

«Это полное тайн и магии приключение, захватывающее, точно песнь сирены».

М. А. Казнир, автор «Полночи в Вечном лесу»

«Захватывающая история о злодействе и верности, разворачивающаяся на островах Силли».

Telegraph

«Романтическая, полная приключений на морских просторах книга... до краев наполненная фантазиями и преданиями».

Габриэла Ромеро Лакрус, автор «Солнца и пустоты»

«История, которая непременно очарует читателей с

самой первой страницы».

Айяна Грей, автор «Хищных зверей»

«Яркое морское приключение с умной и дерзкой героиней и историей любви, перед которой невозможно устоять».

The Bookseller, выбор редактора

«Книга, пропитанная магией, романтикой, тайнами и предательством. Захватывающая, возбуждающая, невероятно атмосферная».

Эшлинг Фаулер, автор «Рожденной огнем»

«Высокие ставки и тикающие часы делают книгу стремительно читаемой, а восхитительный, уверенный стиль письма поднимает дебют на новый уровень. Романтика и месть заложены в это произведение в равной мере».

Booklist, избранный отзыв

«Вас затянет под воду, и выныривать не захочется».

Кайла Панин, автор «Крадущихся теней»

«От темной магии глубин до фантастического мира наверху, это кровавое, романтическое приключение унесет вас быстрее прилива».

Меган Скотт, автор «Искушения магией»

«Бурное путешествие в мир романтики и интриг, „Компас и клинок“ – потрясающее фэнтези, которое захватит читателя и не отпустит до самого конца.

Волшебные острова, мифические звери и легенды о подводном мире объединены в этом ярком дебюте».

Джессика С. Олсон, автор «Фальшивых роз»

«Великолепный дебют, полный изумительной прозы, невероятных приключений и пленительной романтики».

Наташа Хастингс, автор «Чудотворных сладковаров»

«Атмосферный, мрачно-чарующий, душещипательный дебют Гринлоу сосредоточен на грабительнице потерпевших крушение судов с маленького острова и битве, к которой она должна присоединиться ради своей родины и ради своего сердца после гибели ее отца».

Waterstones

«Пьянящий коктейль романтики и фэнтези для молодежной аудитории».

Sunday Post

Глава 1

Из ночи в ночь я лежу на кровати, комкая простыни. Смотрю, как дрожит на потолке свет, как тучи гоняются в небесах за луной и звездами. Я борюсь со сном, пока не начинается жечь глаза. Но он все равно приходит.

Мой кошмар.

Сначала я верю, что мы спасемся. Что сгустившийся туман спрячет и защитит *его*. «Фантом» пляшет на волнах, а за ним – остров Розвир. Мерцающий силуэт вдали. Я бросаюсь бежать по старой набережной Пенскало, уверенная, что на этот раз успею и те, кто за моей спиной, не отнимут его у меня. Я тянусь, кончики пальцев едва касаются его зеленой шерстяной куртки, его светло-голубые глаза встречаются с моими.

И тут это происходит.

Подошвы моих ботинок прилипают к земле, судорожный вздох теряется в реве бушующего моря. Мой отец падает.

И я не успеваю подхватить его.

Рев усиливается, пульсирует, вонзается в голову, я валюсь на колени на старый гранитный причал. Боль засела в груди острым кинжалом. Я тянусь к отцу, но расстояние между нами неуклонно увеличивается, а я не могу двигаться. Я в ловушке.

Оглядываясь, вижу Сета. Сына капитана Реншоу. Врага,

предавшего меня. Губы его растянуты в язвительной ухмылке, каштановые кудри откинута со лба. Из рта предателя вырывается хриплый смешок. А мой отец умирает. Ярость вспыхивает в груди, дикая, неукротимая, свирепая.

Я прыгаю на врага, скрючив пальцы, точно когти, – монстр в человеческом обличье, чего они все боятся. Я не могу контролировать сирену внутри себя, дикое существо, желающее мщения, желающее вырвать бьющееся, истекающее кровью сердце предателя, желающее, чтобы все *они* страдали, как страдаю я.

И тут я кричу.

Веки мои распахиваются. Я вижу перед собой тьму. Грудь судорожно вздымается и опадает. Я вскакиваю с кровати, сжав кулаки, готовая драться. Все мое существо пульсирует от боли и гнева, я готова сражаться, готова к крови.

В этот момент я понимаю.

Правда обрушивается на меня, снова и снова.

Отец не вернется. Он не умирает у моих ног. Нет никаких людей с винтовками и клинками, нет ни Сета, ни Реншоу. Нет крови. И тот ужасный рев, оглушительный вой моря, полного боли, издает вовсе не океан.

Это... я.

Пульс бешено стучит в ушах. Я тру руками лицо, напоминая себе, где я. Кто я. Не монстр. Просто девушка, на своем острове, в своей постели, в доме, в котором выросла, на Розвире. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, и хму-

рюсь, когда вместе с воздухом в горло попадает что-то горькое... Дым? И вовсе не легкий дымок тлеющих в очаге углей или догорающих свечей. Это что-то липкое, приторное, неотвязное.

Спотыкаясь, бросаюсь к окну, отдергиваю занавеску, вожусь с задвижкой. Охваченная паникой, кашляю, отчаянно кашляю, нуждаясь в свежем воздухе. Но что-то мешает мне. Что-то не впускает свежесть. Прищурившись, я сначала не верю своим глазам. Окно небрежно забито досками. Снаружи.

И тут я слышу.

Крик.

Трясу головой, прогоняя туман сна. Отхожу от окна. Заслонявшее луну облако отползает, комнату заливают серебристый свет, и по спине моей бегут мурашки дурных предчувствий.

Я не вижу ничего, кроме дыма.

– Нет...

Вскидывая руку, прикрываю рот. Мигом пробудившись, вглядываюсь во мрак и обнаруживаю, что свет исходит не только от полной луны. Он идет и от других домов.

Огибаю кровать, продолжая кашлять. Дым наполняет легкие. Тянусь к ящику, в котором храню записную книжку мамы, карту и вложенное в карту письмо. Поспешно сую все это в карман ночной рубахи, бросаюсь к двери спальни, распаиваю ее...

И, задохнувшись, потрясенно отшатываюсь. Гостиная в огне. Волна жара толкает меня, заставляя отступить еще на шаг, изо всех пор выступает пот, щекоча кожу, сердце колотится о ребра слишком быстро и слишком сильно. На последнем собрании, всего пару дней назад, когда пришли Брин и Перл, Кай предупреждал нас. Он расставил вдоль наших берегов посты; он отправил Терри и Лиш в Порт-Тренн за информацией. Он знал, что по наши души придут.

Дозор.

Прошел всего месяц после того, как мое вмешательство спасло Брина и моего отца от виселицы. Другие пленные тоже избежали петли. И вот дозор здесь. Чтобы покарать нас. Чтобы заставить нас страдать, как и обещал капитан Спенсер Легган.

Новые полные ужаса крики прорываются сквозь треск пламени, и я всхлипываю, понимая, что другие оказались в точно такой же ловушке. Заперты в своих домах, лишены возможности выйти.

Кидаюсь обратно в спальню, хватаю шарф, обматываю им лицо, натягиваю поверх ночной рубахи куртку, на тот случай, если придется убирать с дороги что-то горящее. Потом зашнуровываю ботинки, лихорадочно шепча слова благодарности – любому богу, который меня слышит, – за то, что, переодеваясь ко сну, оставила обувь в спальне. Вновь поворачиваюсь к дверному проему, за которым полыхают гостиная и кухня, и переступаю порог.

– Мира! – раздаётся надсадный голос. – Мира! Я не могу пробиться, я не могу...

– Я здесь! – кричу я в ответ и тут же захожусь кашлем.

Превратившиеся в щелочки глаза горят и слезятся. Рвусь напролом сквозь жадные языки пламени, сквозь жар и густой дым к тлеющей двери. Перед ней двумя горками углей догорают два стула. Как будто кто-то специально поставил их сюда.

Как будто кто-то хотел, чтобы я умерла в этом доме.

Стягиваю рукава куртки пониже, прикрывая ладони, отпихиваю стулья, и вонь опаленной ткани смешивается с запахом горящего дерева. Слышу приглушенные рыдания, потом дверь со стуком распаивается, и меня обдает холодным ночным воздухом.

По ту сторону стоит Агнес, тоже, как и я, в ночной сорочке и куртке. Спутанные рыжие волосы обрамляют бледное, залитое слезами лицо.

– Мира, слава богам... – Икая, она притягивает меня к себе.

И мы, пошатываясь, крепко обнявшись и поддерживая друг друга, уходим, А я все пытаюсь выкашлять дым из ноющих легких.

– Что случилось? Дозор здесь? – В моем голосе скрежещет гравий.

– Был здесь.

Пару секунд я трачу на то, чтобы вытереть слезящиеся

глаза, откинуть с лица волосы и по-настоящему оглядеться. А оглядевшись, едва не падаю на колени в ужасе от того, что вижу. Пожар пожирает все соседние дома. Повсюду клубится серый удушливый дым. Люди, шатаясь, спотыкаясь, завывая, зовут отцов, матерей, сыновей, дочерей... Дозор явился в ночи, прошел по нашей деревне, поджег наши дома, пока мы спали.

Вцепляюсь в руку Агнес. К горлу подступает крик.

Розвир горит.

Глава 2

– Нет, нет, нет! – выдыхаю я, заставляя ноги двигаться, нести меня от моего дома к сбившимся в кучки, растерянным, плачущим, *кричащим*...

– Вода! – Я подбегаю к ближайшей группке, ищу в темноте глаза людей, тянусь к плечам, трясую несчастных, пытаюсь вывести их из шока. – Нам нужна вода!

Рядом появляется Агнес, волочащая за собой того единственного из другой группы, кто не прижимает к себе ребенка.

– К колодцу, к колодцу!

Она свистит, подавая сигнал, в точности как Брин. На миг у меня перехватывает дыхание, я вздрагиваю, но тут же одергиваю себя, запирая боль внутри. И бегу искать остальных, тех, кто выходил со мной на канате в ночи, подобные этой. Ночи, наполненные звуками смерти.

Первым я нахожу Кая, он ведет еще троих.

– Мира, ты здесь. – Он кладет руку мне на плечо, и в голосе его звучит облегчение.

Кай поворачивается к ближайшим домам. Один из них, тот, что справа, – дом знахарки. Лиш обходит дома, проверяет, все ли вышли наружу. Пожаров как минимум восемь.

– Ты видела Агнес?

– С ней все в порядке, – выдавливаю я, прикрывая рот.

Когти дыма терзают легкие. – Она пошла к колодцу.

– Хорошо.

Он смотрит на меня, потом указывает на тех, кто прижимает к себе детей. Все эти люди, как и я, в ночных рубахах, и глаза их кажутся полными лунами на бледных перепуганных лицах.

– Отведи их в дом собраний. Собирай всех, кого сможешь найти. Многие еще в ловушке.

Все это совершенно не укладывается у меня в голове. Что кто-то из нашей общины, люди, среди которых я выросла, которых я знаю всю жизнь, по-прежнему заперты в своих домах. Но я киваю, входя в роль – роль при крушении. И осознаю, что Кай взял на себя роль Брины. Стал сильнейшим в нашей команде. Тем, кто направляет нас, кто заботится о том, чтобы все мы остались в живых.

– За мной! – кричу я отцам и матерям и испуганным детям, которых они прижимают к себе, кто к груди, кто к боку. – В дом собраний!

Я провожаю их, устраиваю. Некоторые уже тихо плачут, обнимая дрожащих детишек. Перл снует между несчастными с охапкой бинтов в руках, а Брин что-то тихо говорит, утешая, пытаясь вселить в погорельцев спокойствие. Сердце мое сжимается, рвется на части, и я уйду искать других выживших. Дом собраний расположен чуть в стороне от других, и ветер дует в противоположную сторону. Искры сюда не прилетят. И когда я нахожу старуху Джони, обнимающую

племянницу, стонущую, согнувшись едва ли не вдвое, я рада, что могу отвести их в безопасное место.

– Идите внутрь, согрейтесь. К домам вам не нужно. Я вернусь...

Взрыв обрывает фразу. Я резко оборачиваюсь, всматриваясь во тьму, и сердце бешено колотится в груди. Ближайший дом, чуть дальше по улице, превратился в пылающую топку. Встряхнувшись, я пячусь от пламени. Дом собраний в стороне от пожара, но здесь все равно очень светло и жарко.

Слишком.

– Там хранился тюлений жир. Жир, ворвань... – Голос старухи Джони срывается, он хрипл и пискляв из-за переполняющего легкие дыма. – После такого не уцелеешь.

Я сглатываю, а ноги уже движутся сами собой. Верчу головой, отчаянно разыскивая среди хаоса пляшущего пламени в мягкой предрассветной дымке тех, кто может нуждаться в помощи, кто еще жив...

Он выступает из самых черных теней.

– Элайджа, – выдыхаю я – имя его срывается с языка как всхлип.

Я бегу к нему, не уверенная, что все это мне не мерещится, что огонь и дым не заставляют меня видеть в круговороте теней то, чего нет на самом деле. Но, остановившись в нескольких шагах от него, понимаю, что это и вправду он. Понимаю по тому, как учащается стук сердца, по знакомому полуночному запаху, проникающему в ноздри, наполня-

ощему меня до краев. По его глазам, встретившимся с моими, темным, обрамленным угольно-черными ресницами, по его сильным рукам, по бугрящейся мускулами груди. Верхние пуговицы его белой рубашки расстегнуты, как будто он натягивал ее второпях, вместе с черными бриджами и сапогами, а его растрепанные ото сна волосы почти сливаются с ночным мраком. Мне требуется вся выдержка, чтобы не броситься к нему, не прижаться к этой широкой груди – хочется почувствовать, как сильные руки Элайджи обнимают меня, как было на борту корабля Реншоу.

Стиснув зубы, он оглядывается по сторонам, оценивая обстановку, потом вновь останавливает взгляд на мне, делает шаг – и ладонь его ложится на мою щеку, а встревоженные глаза скользят по моему лицу, по моему телу, и ощущение дома обволакивает меня, точно чары. Бешено колотящееся сердце начинает успокаиваться.

– Ты в порядке? Не ранена?

– Я в порядке. Ты здесь. Ты пришел.

Рука его напрягается – и падает.

– Только, похоже, недостаточно быстро. – Он сглатывает, обводя взглядом пожары. – Сегодня полнолуние, Мира. Я пришел забрать тебя на Эннор, как мы договаривались... Что тут случилось?

Ну конечно. Полнолуние. Сделка. Я потираю запястье там, где впечаталась в кожу его метка, опускаю взгляд и вижу, что она светится. Компас, пронзенный клинком.

– Они, наверное, пришли, пока мы спали. Дозор. Подождли дома. Восемь домов, может больше, – и люди оказались там заперты.

Страх обостряет взгляд Элайджи. Он снова озирает хаос вокруг и опять смотрит на меня, смотрит твердо и пристально.

– Я могу переносить только двоих одновременно. Покажи те дома, где еще есть люди.

– Я... да. Да, конечно.

Я моргаю, изгоняя облегчение от его внезапного появления, отсекая и запирая подальше испуг и отчаяние, и бросаюсь к центру деревни. Он не отстает, сосредоточенно бежит рядом с тропой, топча папоротник и вереск.

– Там Кай, он знает, что делать!

Кай меж тем надрывается, выкрикивая приказы, – пытается потушить соседний с Агнес дом, выстроив цепочку людей, передающих ведра с водой от колодца. Но эти жалкие капли мигом испаряются, сгущая дым, а настоящий огонь остается нетронутым и только бушует еще пуще. У меня перехватывает дыхание при виде высоких гранитных стен и маленьких окон. Я знаю, что здесь живет большая семья. Мужчины обмениваются несколькими словами, потом Элайджа поворачивается в сторону дома – и в мгновение ока исчезает в складках теней.

– Отец все еще там, – слышен среди треска пламени голос Кая. Скользнув по мне взглядом, он вытирает со лба пот

и пепел. – Вернулся за младшей. Ровена выбралась с двумя старшими. Черт, Мира. Что, если они...

– Кай... – Я касаюсь его руки.

Боль разрывает меня на части. Я просто не могу подобрать слов, но это... Сокрушительно. Оглядываюсь на мать, Ровену, прижимающую к себе двух детей. Она беззвучно плачет, слезы струятся по ее щекам, а глаза прикованы к дверному проему. Все вокруг замирают. Секунды ползут, складываясь в минуту. Я сжимаю кулаки, размышляя, не попытаться ли выбить дымящуюся дверь. Если я сумею войти, если Элайджа найдет их...

Он появляется рядом со мной.

Появляется, стискивая их руки, отца и малышки. Крошке Элизе не больше двух, ее светлые кудряшки растрепаны. Девочка приваливается к Элайдже, и Ровена мучительно охает. Я бросаюсь к ребенку, подхватываю крохотное тельце, уношу малышку подальше от жара. Ее отец, кашляя, оседает, его выворачивает наизнанку. Элайджа смотрит на меня, на мою ношу. Мать семейства следует за мной по пятам, и я осторожно опускаю Элизу на землю.

– Моя девочка, моя девочка...

Ровена падает на колени, и сердце мое заходится, когда я убираю прилипшие к маленьким щечкам пряди. Внезапно малышка открывает глаза, кашляет, мучительно скрючившись, а Ровена судорожно обнимает дочь, снова и снова повторяя ее имя.

Я выпрямляюсь. Меня всю трясет. А когда поднимаю взгляд, обнаруживаю, что Элайджа неотрывно смотрит на меня. Взгляд его темен и серьезен, как беззвездная ночь. Я бормочу благодарность, слишком тихо, чтобы он услышал, но губы его, дрогнув, складываются в едва заметную улыбку, и он вновь возвращается к Каю и к следующему дому, к тем, кто в нем нуждается.

Снова и снова Элайджа проскальзывает в складки теней, а я отвожу выживших в безопасное место. Кай собирает тех, кто еще держится на ногах. Агнес тоже здесь, рядом с ним. Ведро за ведром выплескивается на пышущие жаром стены. Мы все кашляем, а мир вокруг нас пробуждается, солнце поднимается над клубами дыма, озаряя суровую реальность Розвира.

Возвращаясь на полусогнутых ногах от дома собраний, я вижу то, чего никто не желает признавать. Огонь распространяется. Вода из ведер не гасит пламя. Нам нужно больше. Нам нужен океан, буря...

Я сжимаю кулаки. Меня переполняет отчаяние, когда я смотрю, как Кай и другие борются с пожарами, – горит уже десять домов. Всех наших усилий недостаточно. Нам не сдержать ненасытное племя. К горлу подкатывает рыдание, и я поднимаю взор к небу, к облакам, желая, чтобы они разбухли, раскололись и залили водой нас всех. Залили и спасли. Я желаю этого всем своим существом, снова и снова вспоминая ужас на знакомых лицах. И детей, льнущих к матерям и

отцам. Закрываю глаза, судорожно вздыхаю, и что-то внутри меня замирает.

И тут падает капля; одинокая слезинка небес увлажняет мои запекшиеся губы.

Я открываю глаза, запрокидываю голову – и вижу, что облака превратились в тучи, тяжелые набрякшие тучи. За первой каплей следуют другие, много капель, они текут по моему лицу, впитываются в ткань одежды; потом от небес к земле тянется зигзаг молнии. Рокочет гром.

И дождь обрушивается на остров стеной.

Слишком усталая, чтобы чувствовать хоть что-то, кроме въевшейся в кости боли, я со вздохом вновь закрываю глаза. Небеса разверзлись, выпустив ливень. Спасаящий жизни нескончаемый ливень. Никогда еще я не испытывала такой благодарности, такого облегчения, видя, как пламя, охватившее дома, начинает угасать, превращаясь в серый пепел. Не знаю как, но я пожелала этого – и гроза явилась на мой зов. Возможно, какой-то забытый старый бог внял крику моего отчаявшегося сердца.

– Мира.

Моргнув, оборачиваюсь и обнаруживаю его, стоящего рядом. Его. Элайджу Тресильена. И в этот момент вдруг как никогда ясно осознаю, кто он такой. Разыскиваемый дозором. Правитель острова. Парень со странной могущественной магией. С которым я теперь связана. Его белая рубашка, вся в дырах и копоты, словно рассказывает историю этой

страшной ночи. Он смотрит мне в глаза. Взгляд его тяжел от усталости, от боли и горечи. Один удар сердца, другой – и я больше не могу сдерживать слезы. Они брызжут из глаз, смешиваясь с ливнем, и я молча притягиваю Элайджу к себе, прячу лицо на его груди. Руки его ложатся на мою спину, сильные, уверенные руки, тот якорь, в котором я так нуждаюсь, и я позволяю ему обнимать меня, пока мое тело неудержимо трясет.

Глава 3

– Два десятка раненых. Шестеро погибших, – объявляет Кай несколько часов спустя у дома собраний.

Внутри кипит бурная деятельность вокруг раненых; знахарка раздает указания добровольцам, задающим ей деликатные вопросы. Мертвые лежат у наших ног, укрытые белыми саванами. Среди тел – братья знахарки. Оба. Гроза стихла, оставив горький запах горелого дерева и едкий дым, тянущийся от все еще тлеющих домов.

– Всех посчитал? – тихо спрашиваю я, глядя на тела.

Они напоминают мне об отце – перед тем, как мы положили его в гроб. И я отвожу взгляд, закрывая ту дверь, за которой рыдает частица моей души. Сегодня я должна держаться, держаться, несмотря на то что руки и ноги мои еле шевелятся, а на сердце лежит свинцовый груз.

Кай с беспокойством смотрит на Брина, опирающегося на палку, сделанную Каем из старого весла. Лицо Брина непроницаемо. Он предоставляет Каю возможность руководить, самостоятельно разрешать ситуацию. Комок застревает у меня в горле, когда Кай расправляет плечи, обращаясь к нам.

– Джилли Мэтьюс пропала. Она как раз дежурила, когда занялись первые пожары, в твоём доме, Мира, и в доме знахарки. Мы обнаружили забитые досками окна и двери, подпертые мебелью, чтобы не допустить бегства, как будто кто-

то влез ночью в окно, запалил огонь и попытался помешать вам выбраться.

Я шиплю от ярости, и волна проклятий катится по рядам.

– Эта мерзавка, – выплевывает Агнес с искаженным от гнева лицом. – Эта жалкая маленькая мерзавка.

– Мы ничего не знаем наверняка, – бурчит Брин, переглядываясь с Каем. – Но понимаем, что это не случайность. Мы продолжаем ее искать. Кай, думаю, тебе лучше рассказать всем.

Глядя мне в глаза, Кай достает какой-то пергамент. Помешкав, он глубоко вздыхает – и протягивает мне бумагу. Я медленно разворачиваю лист. Руки все еще дрожат после долгой ночи и тех ужасов, которым мы стали свидетелями. Это записка. Своего рода требование. Требование дозора.

Я, откашливаясь, прочищаю горло.

– Кай не хотел читать это вслух, потому что защищает меня. – Я грустно улыбаюсь ему. – Но я прочту. Я слишком многим обязана этому острову, чтобы скрывать что-то от вас.

Рядом, точно верная тень, возникает Агнес, и ее присутствие, как всегда, придает мне сил.

– Жители Розвира, говорится в послании, укрывают особу, представляющую чрезвычайный интерес для дозора. Особу по имени Мира. Если меня к следующему полнолуннию не доставят в тюрьму дозора на Пенскало для допроса... – Я облизываю губы. – То они пойдут от двери к двери,

разыскивая всех, кто знает меня, и отправят в тюрьму их, чтобы допросить вместо меня.

– Мира... – начинает Агнес, положив руку мне на плечо.

Лист пергамента шелестит, трепещет в моих пальцах. Мы все знаем, что на самом деле означает этот «допрос». пытки. И если дозор схватит людей, *моих* людей, из тюрьмы их не выпустят. Живыми, по крайней мере.

Ветер, летящий со стороны деревни, пахнет дымом, смертью, сыростью и насилием. Я вдыхаю горький запах, и чувство вины поглощает меня. А когда я обвожу взглядом окружающие меня лица, то вижу лишь пустоту. Как будто все мы вышли из комнат, в которых живем, через двери в глубине наших душ. Я навлекла это на нас.

Шесть смертей.

Два десятка раненых.

Это моя вина.

– Мира... – повторяет Агнес, пытаюсь развернуть меня к себе. – Ты тут ни при чем. Ты не...

– Не говори так. – Я передаю ей бумагу и провожу рукой по глазам. – Все мы знаем, кто в этом виноват.

Поднимаю взгляд и вижу, что Элайджа наблюдает за мной, скрестив на груди руки. Перл стоит рядом с ним. Она шепчет ему что-то, и он кивает, но лицо его непроницаемо. Когда передаваемый по кругу пергамент добирается до него, Элайджа не достаивает его и взгляда – и, широко шагая, удаляется. Все вокруг избегают смотреть на меня, стоят, уставив-

шись в землю или просто в пространство. В голове нарастает давление. Эти тела у моих ног, этот плач ребенка, этот тонкий, пронзительный вой, все это просто... невыносимо.

Я сижу на корточках у его могилы. Из земли торчит простой деревянный столбик с его именем и датой смерти. Памятник ставил Кай; он окружил имя отца рамкой из волн. Касаюсь резьбы пальцами, и это словно связывает нас. Вокруг нежно розовеет морская армерия, его любимая. Кажется, на этом кусочке скалы цветов стало больше, чем в прошлые годы. Мне нравится думать, что это благодаря ему, что это он вдохновляет дикие травы, чтобы у нас был уголок, где мы с ним все еще можем побыть вдвоем.

– Если я останусь на Розвире, люди продолжают умирать, – тихо говорю я, глядя на океан.

Море сегодня бурное, волны украшены белыми гребнями, остатками разразившегося так вовремя шторма, спасшего нас. Пена колышется, вздымается и опадает под ветром, а темная синева искрит под солнцем. Прикусив губу, я слежу за изменчивыми волнами.

– Но если я уйду, если сделаю так, чтобы дозор точно знал, что я ушла, разве они все равно не явятся, чтобы забрать наших просто потому, что могут? Разве люди перестанут умирать?

Я подтягиваю колени к груди. Буря, бушующая под ребрами, заставляет чувствовать себя такой маленькой.

– Скажи, что мне делать, отец, – шепчу я. – Я больше не могу найти себя. Я как будто исчезла, когда ты... теперь, когда тебя нет. Мне никак не найти свой путь.

То ли по всколыхнувшемуся воздуху, то ли по чему-то еще я понимаю, что за моей спиной кто-то есть. Оглядываюсь через плечо и вижу Кая, погруженного в глубокое уныние.

– Не против, если я присоединюсь?

– Вовсе нет, – отвечаю я, а он касается кончиками пальцев таблички с именем моего отца в знак уважения.

Потом Кай опускается на корточки по другую сторону могилы. Мы теперь втроем, рядом. Несколько секунд проводим в молчании. Покой и море омывают нас, и я понимаю, что Кай тоже нуждался в этом уединенном уголке. Возможно, тяжесть острова лежит не только на моих плечах.

– Перл собирается задержаться на некоторое время, помочь знахарке, – говорит наконец он.

– Перл лечила меня на «Фантоме»; я порезала ногу, а она перевязала ее, смазав травяной настойкой. Она окажет нам огромную помощь, – отвечаю я. Но не упоминаю знахарку. Только не когда ее братья лежат, завернутые в саваны, только не когда зубастая пасть вины грозит проглотить меня целиком.

Кай делает глубокий вдох, потом медленно выдыхает.

– Агнес права, Мира.

– Не надо.

– Не буду, – он бросает на меня взгляд. – Но со временем ты это поймешь.

Я ничего не говорю. Внутри меня зияет дыра, в которую падают кусочки меня. И я боюсь, что если посмотрю слишком пристально, если признаю, что она вообще есть, то провалюсь туда совсем и никогда не найду путь наружу. Дыра поглотит меня, окутает вечной непроглядной ночью. Эта дыра – опустошение и горе. И вина. Она становится все глубже, все шире. Дыра на месте тех, кого я любила.

– Мы ничего не спасли из твоего дома, Мира. Вещи отца, матери, твои... Мне жаль.

– Ничего. – Голос мой слабый и хриплый. – У меня есть карта и письмо мамы. А остальное... – Я сглатываю. В горле встает комок, когда я представляю сундук, полный маминой одежды и ее записных книжек, отцовскую трубку и его любимую кружку. – Остальное всего лишь якоря.

– Нам всем нужны якоря, Мира.

Я грустно качаю головой.

– Если я хочу защитить вас, то должна отсесть. Всех. Ты знаешь это, Кай. И Агнес тоже знает. – Я смотрю на могилу. – Мне нужно было прийти сюда. На случай, если я не смогу какое-то время вернуться.

Закатав левый рукав, я показываю Каю руку. Серебристые линии метки плохо различимы при солнечном свете, но он все равно видит их на моем запястье.

– Это знак сделки.

– Месяц назад на этом самом месте я заключила сделку с Элайджей Тресильеном – отомстить за отца и защитить Розвир. Договор мы скрепили меткой. В следующее полнолуние я должна была пойти с ним. И сегодня – последняя ночь. Вот почему он здесь. Чтобы выполнить условия сделки.

– Я думал... мы всегда думали, что только ведьмы...

– Нет. – Пожав плечами, я опускаю рукав. – Элайджа не ведьма. Не знаю, что у него за магия и откуда она берется.

Несколько секунд Кай молчит.

– Значит, ты идешь с ним.

– Я заключила сделку.

– И он уже выполняет свою часть, верно? Он явился забрать тебя, но вместо этого остался. Помог нам прошлой ночью. Но если ты попросишь его, может, он освободит тебя от обязательств. Мы найдем другой путь.

Пальцы мои, лежащие на метке, напрягаются.

– Я не хочу, чтобы меня «освободили от обязательств». Я хочу сражаться с дозором. Хочу, чтобы все вы были в безопасности. И хочу стать свободной по-настоящему.

Кай сопит, и я, посмотрев на него, вижу в его глазах, затуманенных, мрачных, ту же бурю, что бушует и под моей кожей.

– Без Розвира я никто, – тихо говорю я. – Вы мои родные, мой дом. За вас я отдам что угодно.

– Это меня и тревожит, – отвечает он и, наконец повернувшись, устремляет на меня пристальный взгляд. – То, что

ты отдашь за Розвир *все*. Ты и так отдала.

– Я отправлюсь с Элайджей. – Я поднимаюсь, с трудом разгибая затекшие колени. Бросаю последний взгляд на пенное темно-синее море, на нежно-розовые армерии, на отцовскую могилу. Глажу кончиками пальцев вырезанные на плите буквы, безмолвно прощаясь. – Выполню свою часть сделки. А ты позаботься о ней за меня. Храни ее сердце в своем.

Кай тоже выпрямляется, кладет руку на могильный столб, и на миг я вижу, какую боль он скрывает. Какой тяжкий страх, какая глубокая любовь лежат в его душе. Он знает, о ком я, хотя я и не произнесла имени. О моей сестре во всем, кроме крови. Об Агнес.

– Обещаю.

Я уже хочу развернуться и спуститься в деревню, но тут замечаю вдалеке светлое пятно. Прищурившись, оглядываю море.

– Ты это видишь?

– Что? – мигом настораживается Кай.

– Пока непонятно. Возможно, парус?

– Едва ли кто-то рискнул выйти сегодня в море, после такого шторма. Волнение слишком сильное.

Однако среди волн мелькает еще что-то. И еще. Я охаю.

Кай, негромко выругавшись, срывается с места. Он бежит в деревню.

– Они не знают, где рифы, по эту сторону острова мы их не отмечали!

Оторвав взгляд от моря, бросаюсь за ним. Там лодки. Десятки лодок. Рыболовецкие суденышки, гички, ялики. Со всем как наши, но паруса говорят, откуда они. Это наши соседи, жители Пенрифа.

И они вот-вот разобьются о наши берега.

Глава 4

Свист Кая разносится по деревне. Свист, поднимающий нас. Собирающий команду для входа в прилив.

– За мной! – кричит он, и мы вшестером бежим за ним. С ним нас семеро.

Седьмая у нас новенькая, она заменила Бриана. Грир маленькая, проворная, с темными волосами, смуглой кожей, с пухлыми, вечно сжатыми губами. Ей пятнадцать, она старше, чем были мы с Агнес, когда впервые вышли на канате, когда поплыли на кораблекрушение, чтобы спасти выживших – ну и чтобы найти товары, которые помогли бы выжить нашему острову. Сердце мое сжимается, когда девочка мне подмигивает. С той секунды, когда она согласилась стать седьмой, выплывать с нами в шторм, бросать вызов морю, ее детство закончилось. И я задаюсь вопросом, осознает ли она это сама.

– Нужно добраться до них раньше, чем они достигнут внешних зубцов, – говорю я, пока Агнес открывает двери лодочного сарая. – Будем работать все как один, как обычно. Но постараемся не подпустить их близко.

Остальные кивают. Кай раздает указания. Самые высокие и крепкие станут загребными и сядут по центру, чтобы вести нас сквозь бурные волны. Те, кто послабее, займут места по краям. Агнес устроится впереди, задавая ритм левому борту;

я – за ней, по правому. Кай будет рулевым. Я ежусь, жалея о том, что не могу нырнуть сейчас в море. Но на сей раз мы не поплывем с канатом. Нам нужно, чтобы люди Пенриффа увидели нас, а они слишком рассредоточены. Становлюсь угички позади Агнес, наваливаюсь на борт, пока остальные занимают свои места. Мы спускаем лодку при помощи двух блоков на колесиках, которые соорудил Кай вместе с братом, Артеком, который даже сейчас хлопочет, раздавая перчатки, чтобы мы не натерли руки, работая веслами.

Когда мы подходим к воде и пена обдаёт икры, кровь в моих жилах воспламеняется. Море зовет меня, и хочется внять этому зову. Поплыть быстрее летящей стрелы к людям Пенриффа. Но я знаю, что не доберусь до них вовремя. Нам нужно работать вместе.

Старуха Джони передает Каю конец каната, и Кай, намотав трос на предплечье, кивает ей. Все больше и больше островитян входит в бухту. Я забираюсь в гичку, занимаю свою – пятую – банку, Агнес устраивается передо мной на шестой, остальные перемахивают через доски, которые служат нам сиденьями. Натягиваю перчатки, вставляю весла в уключины, покачиваю ими на пробу, упираясь пятками в специальный брусок под банкой Агнес. Все наши тоже занимают свои места.

И мы отчаливаем. Агнес разворачивает гичку так, что волны бьют в правый борт. Весла погружаются в воду. Упираясь ногами в брус, Агнес откидывается назад всем телом,

и конец весла утыкается ей в грудь.

– Весла!

Все мы подаемся вперед, вытянув руки. Лопаста весел повисают над самой водой.

– По моей команде. Три, два...

Сидящий к нам лицом Кай стискивает руль, полностью сосредоточенный на курсе. И мы все как один опускаем весла в воду и начинаем грести.

Море сегодня неспокойно, оно обрушивает на нас всю свою мощь. Но я стискиваю зубы, стараясь не отставать от остальных, выдерживать темп, заданный Агнес, и взгляд мой прикован к веслу, к ныряющей в воду лопасти. Боковым зрением я слежу за Агнес, откидываясь назад и опуская плечо одновременно с ней, зная, что в воде мы работаем как единое целое. Мы набираем скорость, входя в ритм, позволяющий без помех скользить по волнам. Я почти что впадаю в транс, сосредоточенная лишь на своем дыхании, на сопротивлении воды под веслами и на желудке, скручивающемся при мысли о том, что будет, если мы потерпим неудачу.

– Продолжаем в том же духе. Они нас заметили, – говорит Кай.

Я бросаю на него взгляд, потом оборачиваюсь – и ругаюсь, потому что сбиваюсь с ритма, пропускаю гребок и лопасть весла бестолково шлепает по поверхности воды. Челюсти Кая плотно сжаты, взгляд прикован к горизонту, и я отталкиваю нарастающую усталость. Мы должны работать как

один организм: на канате, в этой гичке, во всех сферах нашей жизни.

Только так мы выживем.

– Добрались до внутренних зубцов! – кричит Кай, и мы ликующе вопим, но Агнес не сбавляет темпа.

Все мое истерзанное усталостью тело кричит. Но я знаю, что и остальные чувствуют то же самое – мы все не в лучшей форме после минувшей ночи.

– Там дрейфтер. Мы пойдем в обход – они слишком близко к рифам.

Вздрагиваю от страха при словах Кая, но не осмеливаюсь оглянуться, чтобы не сбиться с ритма. Мы замолкаем. Единственным звуком остается лишь свист нашего дыхания. Мы должны это сделать. Я не вынесу, если погибнет еще хоть кто-то. Только не сегодня. Только не после ужасов прошлой ночи.

Кай командует остановиться, и мы резко табаним. Маленький шлюп находится в опасной близости к скрытым под водой острым выступам внутренних зубцов. Я различаю на борту шестерых – это слишком много для одномачтового суденышка такого размера. Они сбились в кучу и машут нам, словно приветствуя.

– Я пойду, – говорю я Каю, с трудом отрывая взгляд от людей.

Он кивает, и я втягиваю весло. А потом ныряю.

Дыхание сразу успокаивается, руки и ноги делают широ-

кие гребки, рассекая воду, толкая тело вперед. Тишина глубины, плотность морской воды приглушают усталость, море разжигает огонь в крови, пробуждает сущность сирены. Все прочее исчезает, я просто плыву, плыву по течению, к маячащей над головой тени шлюпа. Проскальзываю мимо внешних зубцов, забираюсь на один из камней и вылезая из воды. Балансируя на скале, кричу, и люди на дрифтере разом поворачиваются ко мне.

– Я не причиню вам вреда! – Ору я, приложив ладони рупором ко рту. – Подберите грот-шкот, вас несет на рифы!

Женщина, на целых две головы выше прочих, кивает первой и тянется к мачте.

– Остальные не знают! – кричит она в ответ, а один из ее спутников бросается ей на помощь, откидывая с глаз седые волосы.

И тут я замечаю, что основные ее пассажиры – дети, маленькие, нескладные, они смотрят на меня с ужасом и интересом.

Оборачиваюсь, изучая взглядом волны, и замечаю нашу гичку. Потом вижу, куда направляется Кай, и сердце подсказывает к самому горлу.

– Держитесь восточнее этого выступа! – кричу я женщине. – Двигайтесь медленно, следите за меткой на большой скале слева от лодочного сарая. Ориентируйтесь на нее, не отклоняйтесь. Перед входом в бухту есть еще одна гряда рифов!

Женщина вновь кивает, и я, развернувшись, снова ныряю.

На этот раз усталость настигает меня даже здесь, в море. Рассекая воду, следуя за теньями лодок, я чувствую, как слабеют руки и ноги, сгибаются и разгибаются куда медленнее, чем могли бы. Мне нужно отдохнуть. Поспать. И, судя по тому, как идет гичка, наши тоже теряют темп. И они вымотались.

Выныриваю на поверхность рядом с тремя плоскодонками.

– Медленней! – кричу им, размеренно размахивая руками.

– Мира? Черт побери, ты что, помереть хочешь? – Слышу слова, произнесенные с ближайшей лодки знакомым голосом, чуть картаво. Это акцент Пенрифа.

Я улыбаюсь переставшему грести парню. Я встречалась с ним каждый год по праздникам, когда нашим общинам было чем поделиться. Ему достался мой первый поцелуй, он был первым мальчиком, о котором я не думала как о брате или кузене. Он приезжал со своими дядьями и двоюродными братьями-сестрами, и они гуляли с нами до рассвета. Но мы всегда встречали их и проводили мимо внешних и внутренних зубцов, когда они подплывали с этой стороны. А незваными они никогда не являлись.

– Ты отлично знаешь, что нет, Феок Гент! – говорю я, и в горле булькает смех – смех облегчения.

Подплываю к его лодке, хватаюсь за борт, подтягиваюсь,

вскидываю руку, и мы стукаемся кулаками. Его светло-каштановые волосы растрепались и обрамляют лицо пушистым облаком.

– Помереть я совсем не хочу. А вот ты что задумал?

Он моментально мрачнеет.

– Мы все объясним, когда высадимся на берег. Ты проведешь нас? У меня тут малышка, ей нужна ваша знахарка.

Смотрю мимо него и вижу крохотное тельце, скорчившееся на коленях молодой женщины. Киваю ей, и она кивает в ответ. Глаза ее затуманены усталостью и тревогой. Обернувшись, даю сигнал Каю: три резких свистка. Он, уже общающийся с лидером другой группки суденышек, свистит в ответ, и я вновь обращаюсь к Феоку:

– Держись за мной. И убедись, что две другие лодки идут за вами.

Когда я добираюсь до берега, все тело воеет от ломящей кости боли. Я вынужденно держусь у поверхности, чтобы Феок мог меня видеть, и оттого плыву медленно; зубы стучат так, что голова раскалывается. Когда лодки наконец причаливают, меня сотрясают судороги, а вытягивание плоскодонок на песок отнимает последние силы.

– Приведи Перл, – бросаю я первому, кого вижу, – брату Кая Артеку.

Мы с Феоком помогаем женщине с ребенком выбраться из лодки, поддерживая ее с двух сторон. Малышке на вид не больше года. Она едва шевелится. Губы у нее синие, а закры-

тые веки пронизаны сетью точно подернутых инеем прожилок. От этого зрелища кровь леденеет и в моих венах.

Женщина что-то бормочет, но я почти не понимаю ее. Заметив мое недоумение, она переходит на арнхемский диалект:

– Помогите, пожалуйста. Пожалуйста. Феок сказал, вы можете. Сказал, вы умеете...

– Она с Лицины. – Феок обнимает женщину за талию, заверяет ее в чем-то на безупречном лицинском, потом вновь поворачивается ко мне. – Мы спасли их во время шторма пять месяцев назад. Она захотела остаться на Пенриффе, поскольку угодила у себя в скверную ситуацию и бежала, и мы влюбились друг в друга... – Он вздыхает. – Трицина... она для меня все.

И я киваю, сразу все понимая, видя, как сильна связь между ними.

Перл сбегает по крутым ступеням к бухте. Все больше лодок пристаёт к нашему берегу, но я не вижу никого, кроме крошечного ребенка. Перл опускается на колени, показывает, чтобы Трицина положила малышку на песок. Потом говорит что-то на лицинском с сильным акцентом, произнося некоторые слова нараспев. Женщина плачет, кивает, разрешая Перл помочь ей, и Перл вынимает из кармана куртки какой-то пузырек, откупоривает его и подносит к губам девочки.

Мы все задерживаем дыхание. Феок прижимает Трицину

к себе, та тихонько всхлипывает. Сначала ничего не происходит. Тишина становится давящей. Не знаю, как я вынесу еще одну смерть, тем более такого беспомощного существа. Трицина тихо скулит, а Феок смотрит на меня. Отчаяние и ужас переполняют их. Я крепко сжимаю губы, отсчитывая секунды в ожидании, когда ребенок перестанет дышать.

И вдруг малышка шевелится. Перл улыбается, медленно вливает в крохотный ротик еще пару капель, и в глазах ее, встретившихся с моими, облегчение смешивается с полным изнеможением. Обе мы переводим дыхание.

– Ведьмино зелье, – говорит Перл. – Не больше нескольких капель, иначе оно станет ядом, особенно для таких маленьких.

Она прячет пузырек в один из внутренних карманов, а Трицина подхватывает ребенка на руки. Теперь глаза девочки открыты, она заливисто кричит, и Феок, тихо плача, прижимает женщину с малышкой к груди. Я сажусь на пятки, потом падаю навзничь, устремляя взор в небо, празднично разглядывая плывущие в вышине облака. Агнес растягивается на песке рядом со мной, стискивает мою руку, и мы лежим так какое-то время, обессиленные и потрясенные происходящим, меж тем как все больше местных спускается на пляж, чтобы помочь гостям из Пенрифа подняться по ступенькам.

Кай присоединяется к нам: садится на землю, прижав колени к груди.

– Еще не конец, – устало говорит он, наблюдая за бреду-

щими по песку жителями Пенрифа. – Соберитесь.

Глава 5

– Они были повсюду, – говорит Феок, бросая на стол лист пергамента.

Мы собрались в доме Кая, уцелевшем при пожаре. Я оглядываюсь по сторонам. Всем мы перепачканы сажей и просолены, все зажимаем раны, а наши осунувшиеся лица измучены. Агнес, Кай, Феок, Брин, Перл, Элайджа и староста Пенрифа Гвалин.

Элайджа сидит прямо напротив меня, и взгляд мой прикован к нему. Он провел в деревне все утро, помогая нашим вытаскивать из домов уцелевшие пожитки, пока Кай не нашел его и не привел на это собрание. Прежде чем он сует руки в карманы, я отмечаю, как дрожат его пальцы. Он сегодня – как прилив перед штормом. Взбудораженный, беспокойный.

Когда я опускаю взгляд на пергамент, все умолкают. Почти такое же послание подкинули и на наш остров, за одним единственным исключением. На этом автор оставил свою отметину: два кровавых отпечатка пальцев поверх буквы Р. При виде этой «подписи» во мне разгорается ярость, и я стискиваю зубы.

– Реншоу, – выплевывает Кай.

Капитан Реншоу. Женщина, похитившая меня. Та, что готова была выжать из меня всю кровь до последней капли,

лишь бы открыть секрет карты, оставленной моей матерью. Та, что отправила своего сына найти меня и усыпить мою бдительность, чтобы они могли украсть единственное оставшееся у меня от мамы. Та, чья команда окружила нас на пристани Пенскало. Та, из-за кого погиб мой отец. Ненависть к Реншоу кипит под моей кожей, когда я смотрю на ее знак на пергаменте. Теперь они сожгли наши дома и изгнали соседей с их острова. Нет, мое желание отомстить не ошибка.

Реншоу нужно уничтожить.

Элайджа с рычанием поворачивается и уходит в дальний угол комнаты. Скрестив на груди руки, он наблюдает за нами, напряженно щурясь, и я задаюсь вопросом, не пытается ли он так сдерживать свой гнев. Неужто одно упоминание имени его противницы вгоняет его в такую ярость, что приходится прилагать все усилия, только бы обуздать гнев? Чуть больше месяца назад Реншоу взяла в плен меня и команду Элайджи и пытала нас, мучила, пока он не начал спасательную операцию. Тут дело не только в силе и власти, не только в том, кто контролирует морские пути. Это личное. Для нас обоих.

– Ты ее видел? – спрашиваю я Феока.

Он пожимает плечами.

– Не знаю. Я видел, как ее команда подожегла два дома. Догнать я их не догнал, но одного разглядел отчетливо. Он стоял на берегу, у их ялика, когда они убегали. Высокий, широколицый, курчавый.

Сет Реншоу.

Проглотив подступающее к горлу рычание, я с силой провожу рукой по лицу. Ну конечно. Реншоу послала сына убедиться, что сообщение передано, громко и четко. Даже сейчас она все еще использует его для грязной работы, и он подчиняется.

– Вы что-то не поделили с Реншоу? – спрашивает Агнес у старосты Гвалина.

Лицо его, скрытое сейчас тенью, такое же грубое, угловатое, как и у Брина, и в каждой черточке сквозит интеллект – он умеет взвешивать ситуацию и предвидеть возможные последствия.

Мужчина качает головой. Его седины, обычно расчесанные и опрятные, сейчас болтаются слипшимися прядями.

– У нас не было с ней никаких проблем. Она держится Проливов; мы следим за торговыми судами, идущими от Лицины в Порт-Грен. Мы никогда не враждовали.

– Тогда на ум приходит лишь одно, – бормочет Кай.

Я касаюсь пальцем пергамента, точнее, одного из кровавых пятен на нем, и гнев закипает во мне, когда я представляю Сета – в тот день, на старой набережной Пенскало. И как они испарились, едва появился дозор. Никто из них не попал под перекрестный огонь. Я сжимаю кулак.

– Они заключили сделку с дозором, – говорю я. – Они работают сообща.

Агнес судорожно вздыхает.

– Эта бессердечная, вероломная...

– Умная, – поправляю я. – Холодная, расчетливая, ловкая стерва.

– Теперь ты понимаешь, почему ее нельзя недооценивать, – тихо говорит Элайджа, возвращаясь к столу.

Мы все поворачиваемся к нему, а он останавливается в нескольких шагах от нас, глядя на пергамент.

– Она готова отправить собственного сына поджечь остров. Она готова заключить союз с дозором, хотя они всегда были по разные стороны закона. Она не остановится ни перед чем. Ею движет нечто куда более глубокое, чем жажда власти.

Мы все какое-то время молчим, а мои пальцы невольно тянутся к метке на запястье. К стрелке компаса, пронзенной клинком. Я не вижу ее в полумраке дома Кая, но знаю, что она там. Знаю, что, если выйду под полную луну, она засияет ярко-ярко, как прошлой ночью, напоминая мне о связи с Элайджей Тресильеном. О моем обещании.

О мести.

Теперь, похоже, защита Розвира и уничтожение Реншоу – одно и то же. Если она объединилась с дозором, то обе силы представляют прямую угрозу островам, моему дому, моему народу... И угрозу эту нужно устранить прежде, чем они устранят нас.

Я поднимаю руку, не отрывая взгляда от лица Элайджи. Его глаза встречаются с моими, и я понимаю, что для него

наступил сейчас переломный момент, миг перед тем, как мир накроет шторм. Его спокойствие и уверенность – затишье перед бурей.

– Время пришло, не так ли? – негромко говорю я. – Я готова.

Он кивает, глядя лишь на меня.

– Время пришло.

Над моим домом все еще клубится дым, подобный туману. Крыша обрушилась, и хотя внешние стены по-прежнему стоят крепко, я знаю, что внутри найду лишь обугленные осколки своего разбитого сердца.

Подходит Агнес, кладет голову на мое плечо, обнимает меня за талию. Мы обе поспали отрывками несколько часов в ее доме, помылись и, изголодавшиеся, жадно съели простую морковную похлебку, приправленную островными травами, с яйцами от домашних кур и хлебом, испеченным отцом Агнес. Ни мяса, ни птицы. Ни свинины, ни цыплят, ни фазана, ни даже кролика. Сейчас весна, и поля только начали приносить нам скудный урожай. Но запасы на исходе, а дичь редка. Так что к забою приходится подходить с умом, особенно теперь, когда у нас прибавилось ртов.

– Можешь взять что-нибудь из моих вещей. У меня есть одежда, которая тебе будет впору. И мой клинок при тебе, – тихо говорит Агнес.

Тяжело вздохнув, я приваливаюсь к ней, и мы просто сто-

им, глядя на сгоревший дом. Такое чувство, что эта глава моей жизни закончена. Дом хранил все воспоминания о маме, об отце, их небогатое имущество. Здесь мы готовили еду, делились новостями, чинили папины рыболовные сети. Здесь я погружалась в сны и кошмары. Здесь отец рассказывал мне сказки о диких злобных тварях, когда мама покидала нас, чтобы утолить свою жажду.

Здесь я родилась, и здесь умерла прежняя Мира, ничего не знавшая о своей сути.

– Если бы папа был жив, он бы уже искал новое место для постройки дома, думая о будущем. – Я сглатываю. – А мама бы ему не мешала. Она бы пошла к морю, чтобы смыть усталость. Может, взяла бы с собой и меня, поплавать под волнами.

Рука Агнес напрягается.

– Все это по-прежнему в тебе. Они все тут. Мы носим их с собой, верно? Моя мама наверняка была бы в доме собраний, выпытывала бы у Перл рецепты ее снадобий.

– Она бы весь день таскала тебя за собой, с огромной грудой бинтов, сооруженных из ее же рубашек, требуя, чтобы ты не отставала.

Короткий смешок срывается с губ Агнес, и она отстраняется.

– Думаю, их призраки сегодня здесь.

– Наверное, ты права, – вздыхаю я. – И я знаю, что бы сказали мне мои родители. Оба.

Агнес сжимает мою руку.

– Они бы сказали тебе быть сильной. Надеяться. Бороться за то, во что ты веришь.

У меня перехватывает дыхание, и я быстро сую руки в карманы куртки.

– Я чувствовала такое... опустошение. Словно я выдолбленная миска. Но, надеюсь, это изменится, и я как-нибудь да найду вновь дорогу к себе.

– Может, к тем, какими мы были раньше, и нет возврата.

Я смотрю на подругу, стоящую на фоне обугленных, дымящихся останков моего дома. Она уже вымыла рыжие волосы, но еще не заплела их. Буйная огненная грива обрамляет усыпанное веснушками лицо. В последние недели я почти не видела, как Агнес улыбается. Все, что случилось, изменило и ее тоже. Возможно, она права: пути назад нет. А вдруг я не найду ту нить, те узы, что удержат меня от падения в черную пустоту, поселившуюся в груди? Станет ли дыра моей сутью? Что помешает мне превратиться в существо, живущее в моей крови, существо, жаждущее лишь мести?

– Этот кошмар не оставляет меня, – признаюсь я. – И не знаю, оставит ли когда-нибудь. Я словно оцепенела – а может, это ярость переполняет меня, не знаю, но я больше не вижу ничего хорошего из того, что было прежде.

Агнес, засопев, поворачивается – и яростно обнимает меня.

– Увидишь еще. Дай только время. Ты правильно посту-

паешь, уходя. Знаю, пока так не кажется, но мы обязательно увидимся снова. И когда все это закончится, у нас останется Розвир. И мы останемся друг у друга. Может, ты и не будешь той, кем была до того дня, но если ты будешь помнить, почему уходишь, помнить о своем стремлении защитить то, что у нас есть, то когда-нибудь ты найдешь и себя. Даже если ты зла. Даже если оцепенела... – Голос ее опускается до шепота. – Помнишь тот свой сон? Как ты летишь среди звездного света?

И я вспоминаю – бархат ночи, звезды и неведомая рука, сжимающая мою ладонь, ведущая меня сквозь тьму.

– Потому что это было до всего, что случилось?

– Потому что это твоя мечта о настоящей свободе.

И тогда я тоже обнимаю Агнес и зарываюсь лицом в ее волосы. Вдыхаю аромат свежеиспеченного хлеба и розмарина с нотками лаванды и дыма. Мне хочется верить ей, верить, что мы справимся. Хотя я и сомневаюсь, что она права, говоря, мол, когда все закончится, у нас останется Розвир.

Я не уверена даже в том, что мы останемся друг у друга.

Отпускаю подругу, не желая длить прощание. Если задержусь, не знаю, смогу ли уйти на этот раз. Она начинает собирать для меня одежду: пару рубашек, бриджи, кое-что из нижнего белья. Потом кладет в холщовый мешочек булочку с яблоками из пекарни ее отца. Мою любимую.

Когда я направляюсь к Элайдже, меня не оставляет ощущение, что иду я к своему концу. Словно падаю с обрыва в

глубокою неумолимую пучину. Смотрю на собравшихся островитян – мой народ и людей с Пенрифа. Они прикладывают ладони к сердцам, прощаясь, а глаза их круглы и полны страха. Взгляд выхватывает из толпы широкоплечего Кая и Артека, стоящего рядом с братом. Брин опирается на палку, а неподалеку переминается Перл, и в руках ее – склянки с мазью. Они останутся тут на пару дней, чтобы помочь, а потом отправятся в безопасное место, подальше от глаз дозора. Потом я смотрю на Агнес, милую Агнес, пытающуюся скрыть слезы, и Феока, обнимающего Трицину, которая прижимает к груди малышку. Я не могу подвести этих людей. Они – мой дом, моя родня, мое сердце.

– Ты готова? – спрашивает Элайджа, протягивая мне руку.

После секундного колебания я сжимаю ее – и чувствую его тепло, обволакивающее кожу, и запах полуночи окутывает меня. Я смотрю в его глаза и вижу, что бушевавшая в этом человеке буря унялась. Он вновь – та тихая гавань, которую я нашла несколько недель назад, когда была в полном отчаянии и плыла по течению. И в этот момент я понимаю, что поступаю правильно, доверившись этому человеку. И то, что я заключила с ним сделку, тоже правильно.

– Я готова.

Он улыбается. Маленькое окошко в его сердце приоткрывается, и от тепла наших сомкнутых рук вспыхивают и бегут по моим венам трепетные искры.

– Тогда задержи дыхание. И не отпускай меня.

Глава 6

Мы шагаем в тень. В груди все сжимается, когда я вижу, как окружавшие меня лица растворяются во тьме. Я тону, я отрываюсь от земли, я лечу, подхваченная бешеным штормом, – и все это одновременно. Единственное, что я чувствую, это рука Элайджи, и я сжимаю ее крепче, ведь мне нужно ощущать его присутствие, нужно знать, что я не останусь одна в этой бездонной, пустой утробе ночи. Я ничего не вижу, не могу дышать, и когда в грудь впиваются когти паники, я волей-неволей открываю рот и кричу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.